ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81

Л.Р. Байдавлетова
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Н.В. Пятаева

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ПЫТКИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье предлагается историко-культурный анализ современных фразеологических единиц, которые появились в результате переосмысления русским народом пыточных действий в процессе судебных разбирательств. Пытка на Руси, как явление заимствованное, оставила заметный след в истории правосудия и значительно повлияла на отношение русского народа к закону, судьям и формирование русской правовой культуры в целом.

Концептосфера, русская языковая картина мира, фразеология, право, закон, пытка, правда, наказание, судья.

The article presents the historical and cultural analysis of modern idioms, resulting from Russian people's rethinking of torture action in the process of court examination. Tortures in Russia, as a borrowed phenomenon, influenced greatly the history of justice and the Russian people's attitude to the law, judges and formation of Russian legal culture in general.

Conceptsphere, Russian language picture of the word, phraseology, right, law, torture, truth, punishment, judge.

В статье рассматриваются фразеологические единицы русского языка, которые появились в результате осмысления русским народом культуры пытки. В данном случае фразеологические единицы понимаются широко: фразеологические сочетания, пословицы, поговорки, крылатые выражения, речевые штампы (формулы) в соответствии с классическими представлениями о них [11], [12, с. 560 – 561].

Источниками материала послужили фразеологические словари [10], [11], сборники русских пословиц и поговорок [2]; [3], сборник русских крылатых слов и выражений [5].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова ***пытка*** определяется как физическое насилие, истязания, осуществляемые обычно палачами (иногда с помощью специальных орудий) при допросе обвиняемого с целью вынудить у него показания. В переносном значении ***пытка*** – нравственное или душевное мучение, терзание (книжн.) [9].

Применение пыток известно с древнейших времён как средство наказания, устрашения и получения признаний. В частности, разнообразные пытки широко применялись в Древнем Египте, Ассирии, Древней Греции, Древнем Риме и других античных государствах. В Средние века широкое применение пыток было связано с розыскной формой уголовного процесса. Пытки часто использовались в деятельности Инквизиции. Пытки были распространены также среди радикальных течений протестантизма.

В Европе ограничение применения пыток наблюдается только с конца XVII в. и связано с распространением гуманистических идей Просвещения. В России пытки были отменены секретным указом Екатерины II от 8 ноября 1774 г. (официально подтверждены указом Александра I от 27 сентября 1801 г.). В XX в. пытки вновь широко употребляются в нацистской Германии, в Советском Союзе, в Соединенных Штатах Америки, в Китае, в латиноамериканских и афро-азиатских диктатурах, в других странах с тоталитарными, диктаторскими и репрессивными режимами. Их применение основывалось зачастую на тайных приказах и инструкциях. В настоящее время пытки запрещены конституциями и законами практически всех государств современного мира, в том числе Конституцией РФ [6].

Среди отобранных нами 395 русских фразеологических единиц, представляющих концептосферу «Право – Закон – Преступление – Наказание – Милосердие» в русской языковой картине мира, выделяются 20 единиц, так или иначе связанных с обобщённым или переносным обозначением действий или ситуаций наказания или применения пыток:

– большее их количество (10) сконцентрировано в тематической группе «Виновный // Невинный»: *На деле* ***прав****, а на дыбе** (т.е. на пытке) *виноват*; *Не бей Фому за Ерёмину вину*; *Допрос с пристрастием*; *Душа согрешила, а ноги виноваты* и др.;

– пять единиц отмечены в группе «Суд, судья»: *У наших судей много затей*; *Судить-рядить не умеет, а бить разумеет*; *Суд да дело, а в боку болит*; *Для того дело тянется, что виноватый правится* (т.е. оправдывается судом), *что береста на огне*;

– четыре единицы – в группе «Преступление – Наказание»: *Брат брату головой в уплату*; *Выдать головой*; *По делам вору и мука*; *На правёж не поставишь меня* (или: *его*; когда закон правежа был отменён);

– одна единица в группе «Свидетель, адвокат, истец»: *Первый кнут доносчику.*

Из них 15 фразеологизмов отмечены отрицательной коннотацией (см. – основная часть примеров выше), 5 – нейтральной или положительной. На первый взгляд может показаться, что связанные с пытками фразеологические выражения должны иметь

только отрицательную коннотацию, так как *пытка* – явление негативное, причиняющее физическую боль и страдания. Однако это не всегда так. В качестве доказательства приведём такие примеры: *По делам вору и мука*; *Повинную голову и меч не сечет*; *На правёж не поставишь меня* (или: *его*; когда закон правежа был отменен); *Дай срок, не сбей с ног*; *Первый кнут доносчику*.

Явление пытки – наследие античности. В древней Греции, согласно [1, с. 400], пытка применялась только к рабам. Так же дело обстояло первоначально и в Риме, однако в период империи применение пытки было поставлено в зависимость от деления общества на «достойных», «благородных» (honestiores) и «неблагородных», «низких» (humiliores). Пыткам могли быть подвергнуты «незначительные люди», включая рабов и простолюдинов, но honestiores, как правило, от нее были свободны. Исключения составляли преступления против императора. Таким образом, несмотря на свою популярность, применение пытки в Античности ограничивалось сословными рамками, кроме того, современниками воспринималось как естественное и неотъемлемое явление жизни общества и государства.

В исследовании А. Князева [4] особо отмечается, что на Руси пыток долгое время не было, как не было и тюремного заключения. Даже за членовредительство и убийство «наказуемые» зачастую отделывались лишь выплатой штрафа – обыкновенного или за взятки (приравнивавшиеся нашими предками к грабежам) кратно увеличенного. В Русской Правде (первом своде древнерусских законов) нет упоминаний о каких бы то ни было «истязательных» инструментах, хотя в качестве наказаний в ней описываются и довольно суровые действия: *поток и разграбление* (конфискация и изгнание), *продажа в рабство* и внесудебная *смертная казнь*: если хозяева поймали вора на месте, они могли убить его, т.е. наказать на месте преступления без разбирательства (*во пса место*), но только обязательно до рассвета и несвязанного. Законодательно *смертоубийство, членовредительство, клеймение* и *битьё* ввели на Руси лишь после монгольского нашествия. Позаимствованы они были у «просвещенного» Запада и потеснили со временем широко использовавшиеся до того *продажи* (штрафы). Смертная казнь полагалась изменникам, конокрадам, поджигателям и неисправимым ворам.

Таким образом, пытка для русского народа явление заимствованное. Нельзя сказать, что физического насилия на Руси не было, но пытка как элемент судопроизводства, как осознанное и официальное явление, пришла в правовую систему русского народа со временем. Нам известно о недоверии русского народа к закону и судьям. Физическое насилие, истязания, осуществляемые обычно палачами (иногда с помощью специальных орудий) при допросе обвиняемого с целью вынудить у него показания, ещё больше усиливает негативное отношение к закону в целом. Это чувство несправедливости, усиливающееся физической болью от пыток, выразилось в пословицах и поговорках о преступлении и его доказательстве, о вине преступника и его наказании – справедливом или нет.

Сначала обратимся к *правде*, которая обычно добывается, расследуется на суде и при юридических дознаниях, розысках и следствиях. В старину до этой правды добирались впотьмах, ощупью. Доносчик и обвиняемый приводились в судную избу вместе, но допрашивались порознь: *Истцу первое слово, а ответчику последнее*. Первым ставили перед судейским столом обвинителя, который и повторял донос. Приводили обвиняемого. Он божился и клялся всеми святыми и родителями, отпираясь от *поклёпов* и оправдываясь, *волчьим взглядьем* посматривая на злодея-доносчика, которого *ставили очи на очи* – давалась *очная ставка*.

Очи на очи глядят, очи речи говорят: доносчик стоит на своём, обвиняемый отпирается. Тогда, по Уложению царя Алексея Михайловича и по древним судейским обычаям, уводили доносчика в особую пристройку за стеной судной избы или в *застенок*, там его раздевали донага, клали руки в хомут или связывали назад верёвками, обшитыми войлоком, чтобы не перетирали кожи, на ноги привязывали ремень или верёвочные путы. На блоке и в хомуте двое дознавателей вздымали его к потолку, двое других придерживали за ноги снизу, оставляя всего человека на весу вытянутым *на дыбе* и не допуская его концами пальцев ног упираться в пол. Палач становился на *бревешни* и вывёртывал из лопаток руки (что называлось *встряскою*), а затем, как опытный костоправ, вправлял их, вдвинув изо всей силы на старое место. Давали висеть на дыбе полчаса и больше. Если *на подъеме* доносчик не говорил того, что хотели услышать, тогда начинали *пытать* – допытываться правды: палач, или *заплечный мастер*, мерно бил по нагнутой спине *длинником*, хлыстом или прутом (*батогом*), а то и просто палкой или даже кнутом – словом, что первое подвернётся палачу под руку. С вывернутыми из суставов руками, со жгучею болью в груди – на виске *под длинниками* или *под линьками* говорил *пыточный* с пытки *подлинные речи*. Приказный дьяк придвигал к дыбе в застенке свой столик: *перо у него за ухом и пальцы в крюк*. Мучительно медленным почерком, чтобы на бумаге какой-нибудь *крюк не выпустить из рук*, *нижет приказный строку в строку, хотя в ряде слов нет проку*. В это время доносчик висит на виске и говорит первые пыточные речи, или изменённые и дополненные показания, ту *подлинную правду*, понятия о которой несправедливо перенесли потом на всё то, что является настоящим, истинным, без обмана. Часто случалось, что доносчик *под длинниками*, то есть батогами или хлыстами (гибкими и хлёсткими прутьями) отказывался от своих показаний и сознавался, что *поклепал напрасно*, или *спьяну*, или *из мести и по злобе*. Тогда его опять пытали три раза. И стало так, как говорят пословицы: *На деле прав, а на дыбе виноват: пытают тятя на три перемены*. Если доносчик в результате этих трёх попыток подтверждал своё пыточное сознание, обвиняемого отпускали. Он успокаивался на той мысли, что *нескорбно поношение изветчика*. В противном случае подвешивали на дыбу и этого: *Оправь Бог правого, выдай виноватого*.

Подобные дознавательные действия были назва-

ны *правежом* (*правёж* в Московском государстве XV – начале XVIII вв. – насильственное взыскание долга посредством истязаний [10, с. 117]): *правится он, как берёста на огне коробится*, и с ущемлёнными в хомуте руками *хомутит* на кого-нибудь, т.е. клевещет и взводит напраслину на неповинного или сваливает свою и чужую вину на постороннего. В таком смысле и значении сохранилось это слово до наших дней вместе с пословицей, обязательно предлагающей *первый кнут доносчику*.

Если ни страх дыбы, ни хомут, ни кнут не вынуждают вымученного сознания, то подозреваемых *ставили на спицы* (объяснения которым в старинных актах не сохранилось, хотя известны спицы в том орудии старинной мучительной казни, когда *колесовали*, то есть колесом ломали преступнику кости), затем сажали на цепь и к ножным кандалам, *сверх сыта*, привязывали тяжести; кормили солёным – и не давали пить; на ободранные спины трясли зажжёнными сухими вениками; посыпали солью по тем местам, где кожа была содрана лоскутьями. Старые судьи хвастались друг перед другом изобретением новых средств и новых орудий для допросов и пыток. Пытки считались делом вполне законным и справедливым. Ни власти, ни народ нисколько в этом не сомневались: пытка была законом, а дыба и заплечные мастера встречались не только в казённых городских избах, но и в народных (волостных). Необходимость и законность пытки были твёрдо закреплены в понятиях всех и каждого. С.В. Максимов пишет: «Можно лишь изумляться всеобщему равнодушию и той нерешительности, с какою подходили законодатели к уничтожению этого позорного, бесчеловечного, безнравственного и бессмысленного способа отыскания следов преступления и степени виновности. В незлопамятном народе остались воспоминания только о самых мучительных и лютых пытках, хотя, правду сказать, некоторые из старых практиковались и в очень недалёкие от нас времена» [5, с. 109 – 112].

Осталась в народной памяти и *правда подноготная*, добываемая в суде особенно изощрённой пыткой: в старину думали, что скрытая *правда* несомненно явится во всей наготе и простоте, когда палач начнёт забивать под ногти на руках и ногах железные гвозди или деревянные клинышки, когда судья закричит и застращает подозреваемого возгласом: *Не сказал подлинной – заставлю сказать всю подноготную!* Тогда пыточному закрепляли кисть руки в хомут, а пальцы в клещи, чтобы они не могли сложиться в кулак или не изловчились бы ударить наотмашь.

В числе замысловатых инструментов пыток находились особого вида клещи, которыми зажимали ногти до такой боли, что человек приходил в состояние лгать на себя и рассказывать небылицы целыми повестями. По внешнему виду, по особому устройству верхней половинки клещей орудие пытки носило название *репка*. Ею выдавливали правду из ногтей, как колют теперь орехи машинкой. Отсюда и столь известное выражение *Хоть ты матушку репку пой* в значении ‘я на такое//с таким не согласен, по-твоему не быть ни в коем случае’.

В исследовании С.В. Максимова читаем: «В Москве были застенки и дыбы в несчетном количестве; производились бесчисленные пытки и казни и применялись и получили дальнейшее развитие разнообразные способы допытывания правды. Собственно же *московская правда* давно уже была во всей тогдашней Руси на худом счету» [5, с. 113].

С 1702 г. все дела из Судного приказа перешли в Преображенский, который из *избы* переименован был в *приказ*, где всеми делами ведал царский любимец князь-кесарь Фёдор Юрьевич Ромодановский, решавший все дела без апелляций. Это был (по словам его современника дипломата и сенатора князя Александра Борисовича Куракина) «человек характера партикулярного (то есть своеобразного), собой видом, как монстр, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому; пьян во все дни; но его величеству верный так был, что никто другой» (цит. по [5, с. 115 – 116]). Этот страшный человек, сидя за столом в старом боярском кафтане, отороченном узеньким золотым галуном, с длинными густыми усами, выслушивал всякое дело сам. Перед ним никто не смел садиться и во двор к которому никто не имел права въезжать, даже сам царь Пётр выходил из одноколки у ворот. Словом, судила та исключительная суровая личность, подобные которой, по русским приметам, рождаются раз в пятьдесят лет. Конечно, в такие времена чаще, чем в другие, советовали *Не бояться суда, а бояться судьи*: *суд стоял прямой, да судья сидел кривой*. В его руках закон был дышлом: он его куда хотел, туда и воротил: *Зачесали черти затылки от его расправы*. Пётр III 7 февраля 1762 г. запретил ненавистное *изражение слова и дела*; Екатерина II назвала употребление пытки *противным здравому, естественному рассуждению*, но уничтожить её формальным образом не решилась. Счастливая доля приостановить пыточные действия при дознаниях досталась в 1800 г. императору Александру I.

Обратимся ещё к нескольким русским выражениям, связанным с физическими наказаниями и пытками. Эти фразеологизмы зафиксированы в «Словаре русских историзмов» [7, с. 27].

Выдать головой (в Московском государстве) – род удовлетворения исков выдачей обидчика обиженному на его усмотрение – простить или наказать: обиженный перечислял распростертому у его ног обидчику его провинности, обидчик же подавал руку обиженному, говоря при этом: «*Повинную голову меч не сечёт*». Обычай *выдавать головой* известен был ещё в XII в., когда с князя за вину бралась волость, а прочих людей отдавали *головой*. Отданный *головою* за долг поступал к заимодавцу с женою и детьми в полное рабство и в работу, которую и отбывал до тех пор, пока не покрывал весь долг. Во время местничества оскорбитель был бит батогами и потом обязан был униженно просить прощения у обиженного и жалобщика: кланяться в землю и лежать ничком до тех пор, пока оскорбленный не утешится и не поднимет его со словами: *Повинную голову и меч не сечёт*. Таким образом, выражение *выдать головой* означало предание суду за преступление с лишением гражданской свободы, а также во временное рабство за долги, когда *брат брату (шел) головой в уплату*.

Пословица *в ногах правды нет*, видимо, сформировалась в то время, когда правду упорно искали сборщики податей, а впоследствии судные приказы, взыскивавшие частные долги и казенные недоимки по примеру татарских баскаков (представителей монгольского хана в завоеванных землях), которые на Руси во второй половине XIII – начале XIV вв. ставили виноватых на правёж босыми. *Праведники*, т.е. приставы или судебные служители, брали в руки железные прутья и били ими «подследственных» по пяткам, по голеням и икрам с того времени, когда приходил судья, до того, когда он уходил домой.

Бивали так новгородских попов и дьяконов *на всяк день от утра до вечера нещадно*. Чаще всего срок битья ограничивали согласием должника заплатить долг или с появлением поручителя. Позже, в середине XVIII в., Эрнст Бирон (граф, фаворит императрицы Анны Иоанновны) казённые недоимки, накопившиеся от неурожаев, вымогал тем, что в лютый мороз ставил босиком на снег и в отмороженных ногах бесплодно искал правды. В это время сложились выражения: *Душа согрешила, а ноги виноваты*; *В семеры гости зовут, а всё на правёж*. Истязуемые умоляли безжалостных заимодавцев: *Дай срок, не сбей с ног*. *Бессильные* и *безнадежные*, когда *нечем было платить долгу*, должники бежали на Волгу. Все эти болезненные вопли и бессильные жалобы ушли в пословицы и после уничтожения правёжного обычая приняли более мягкий смысл, закрепившийся в современном русском языке. Плачевный вывод из суровой практики старых времён превратился в шутливый упрек доброму приятелю, который, придя в гости, церемонится, не садится – *В ногах правды нет*! Точно так же слова *Дай срок, не сбей с ног* обращают теперь к тем, кто в личных расчётах торопит на работе, вынуждает к лишним усилиям, затеянным наспех. В конце XVIII – начале XIX вв. словари фиксировали выражения, в которых «над упразднённым правёжем начали уже и посмеиваться в глаза заимодавцам: *На правёж не поставишь!* Какая же, в сущности, *правда в ногах*? *В правёже не деньги* (то есть иск по суду мало надёжен), – сознательно говорят и в нынешние времена всеобщего безденежья» [5, с. 183 – 184].

Таким образом, пытка на Руси, как явление заимствованное, оставила заметный след в истории русского правосудия. Она также значительно повлияла на отношение русского народа к закону, судьям и на формирование русской правовой культуры. «Благодаря» институту пытки появились частотные в современном употреблении фразеологизмы: *подноготная правда*, *подлинная правда*, *в ногах правды нет* и др.

Литература

1. *Гуревич, А.Я.* Словарь средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М., 2003.
2. *Даль, В.И.* Пословицы русского народа: в 3 т. / В.И. Даль. – М., 1998.
3. *Жуков, В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М., 2000.
4. *Князев, А.* Узнать правду или осудить невинного? / А. Князев // Экономика и жизнь. – 2011. – № 12. – URL: http://www.eg-online.ru/article/129989/
5. *Максимов, С.В.* Крылатые слова и выражения русского народа / С.В. Максимов. – М., 2001.
6. *Мильчин, А.Э.* Издательский словарь-справочник / А.Э. Мильчин. – М., 2006 – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия
7. Словарь русских историзмов / [Т.Г. Аркадьева и др.]. – М., 2005.
8. *Телия, В.Н.* Русская фразеология: Семантические, прагматические и лингвокультурные аспекты. – М., 1996.
9. *Ушаков, Д.Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д.Н. Ушаков. – М., 2000. – URL: http://ushdict.narod.ru/
10. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. А.И. Молоткова. – М., 1978.
11. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М., 2003.
12. Языкознание. Большой Энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1998.

УДК 811.161.1’28

А.В. Гузнова
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Л.А. Климкова

ЭТНОНИМЫ КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БАЗА ПРОЗВИЩ В АРЗАМАССКИХ ГОВОРАХ

В данной статье рассматриваются прозвища, образованные от этнонимов, даётся их классификация по типам номинации. Анализируются производящие основы, их трансформация, уделяется внимание мотивации и ассоциациям при образовании. Производится деление отэтнонимных прозвищ на группы в зависимости от качества и количества образуемых от одного этнонима номинаций, дается их описание с точки зрения структуры.

Этноним, прозвище, ономастика, апеллятив, оним, принцип номинации, трансонимизация.

The article considers the nicknames derived from ethnonyms, and presents the nicknames’ classification by nomination types. Word-formation bases, their transformation are analyzed; the attention is focused on motivation and associations in formation. There is given the division of ethnonym nicknames into groups depending on the quality and quantity of nominations formed from one ethnonym. The author gives their description from the structural point of view.